

А.В. Быков

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИОЛОГИИ Э.ДЮРКГЕЙМА

Издательство «Academia» предполагает выпустить сборник, посвященный творчеству выдающегося французского социолога Эмиля Дюркгейма. Предлагаем вниманию читателей одну из статей сборника. Ее автор – студент социологического факультета Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН) Андрей Быков

Вклад Эмиля Дюркгейма в создание социологии как самостоятельной науки, как академической дисциплины и как предмета преподавания трудно переоценить. Возможность и необходимость ее существования он обосновывал, прежде всего, тем, что она имеет свой собственный предмет исследования – социальную реальность, нередуцируемую к психике индивидов и внешнюю по отношению к ним. Дюркгейм много времени посвятил разработке позитивной методологии социологии, выступив продолжателем идей Огюста Конта – «крестного отца» этой новой науки. Его интересы не ограничивались теоретической сферой, и он оставил несколько крупных эмпирических исследований, среди которых «Самоубийство» – обреченное на статус вечного эталона. Труды Дюркгейма приобрели статус классических, и его имя стало олицетворением если не социологии в целом, то, по крайней мере, «объективистски-сциентистской перспективы социологической мысли»⁴³.

Попытаемся осуществить теоретическую реконструкцию одной из главных сторон творчества Дюркгейма – его взглядов на ценности и мораль. Здесь можно выделить две главные проблемы. Первая из них состоит в том, что в рамках настоящего исследования нет возможности проследить все интеллектуальные влияния, которые испытывал Дюркгейм, а также детально проанализировать многие его труды, поэтому оно обречено быть ограниченным. Вторая проблема в том, что сам Дюркгейм не оставил ни одного большого

---

⁴³ Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. – М., 2007.

сочинения, всецело посвященного вопросам морали, хотя доподлинно известно, что подобное сочинение он планировал. В последние недели жизни он успел лишь сделать несколько набросков, опубликованных впоследствии его учеником М. Моссом⁴⁴. Можно сказать, что создание такого сочинения было мечтой Дюркгейма, которой так и не суждено было сбыться.

Молодость Дюркгейма пришлась на 1870-1880 годы — время становления Третьей Республики во Франции. По данным Мосса, Дюркгейм начал причислять себя к социологам с 1881 г. Как пишет Дж. Александер, он поставил перед собой «определенные нормативные или идеологические цели: во-первых, французское общество необходимо изменить, чтобы сделать его стабильным; во-вторых, эта стабильность может быть достигнута только посредством справедливости, особенно справедливости экономического распределения; в-третьих, возрастание влияния государства, необходимое для установления справедливости, не должно пойти в ущерб индивидуальной свободе»⁴⁵. Александер считает, что эти цели красной нитью пронизывают всю жизнь Дюркгейма и что его «задачей был «перенос этих целей в теоретическую и эмпирическую перспективу». Как известно, Дюркгейм считал общество особой формой реальности в онтологическом смысле — он неоднократно называет общество существом в собственном смысле слова, имеющим *внешнюю* власть над индивидами. Эта идея трансцендентной социальной реальности была, по Александеру, попыткой совмещения идеи внутреннего (индивидуального) и внешнего (социального) морального порядка. Вопреки разработанному самим Дюркгеймом принципу «устранения предпонятий» при изучении социальной реальности, его научная деятельность была подчинена определенным идеологическим (политическим) и нравственным целям.

Разделение общественного труда

Работа «О разделении общественного труда», представляющая собой докторскую диссертацию Дюркгейма, впервые вышла в свет в Париже в 1893 г.. Автор ставит цель определить функцию разделения труда и всеми силами старается уйти в этом вопросе от экономизма в область нравственной жизни. Эта функция, по Дюркгейму, состоит в производстве солидарности, являющейся для него, по сути, синонимом общественного состояния. Рассматривая проблему в эволюционистском ключе, Дюркгейм выделяет две

---

⁴⁴ Durkheim E. "Introduction to ethics" / Durkheim: essays on morals and education / Edited by W.S.F. Pickering. L., 1979. – P. 30–31.

⁴⁵ Alexander J.C. Rethinking Durkheim's intellectual development I: On "Marxism" and the Anxiety of Being Misunderstood // International Sociology. – 1986. – No. 1. – P. 94.

формы последней: «механическую», или «солидарность, основанную на сходстве», характерную для примитивных обществ с низким уровнем разделения труда, и «органическую», порожденную этим разделением. Очевидно, что оба термина заимствованы из естественнонаучной области и объяснение причин перехода от одной формы к другой также дается с использованием физических понятий. Такой переход осуществляется посредством увеличения «моральной» и «физической» плотности общества, сопровождающейся увеличением его «объема» — что делает «социальное вещество свободным для вступления в новые комбинации»⁴⁶. Для анализа этих процессов Дюркгейм использует подробно описанный им в следующей его крупной работе⁴⁷ «объективистский» метод, согласно которому изучение социальных фактов должно проводиться при помощи фиксации «общих для них внешних признаков». В случае разделения труда таким внешним признаком стало право: для механической солидарности свойственно преобладание репрессивных санкций, т. е. санкций, направленных на наказание и характерных для уголовного права, в то время как в обществах с органической солидарностью получает широкое распространение гражданское, договорное, семейное право, для которого характерны реститутивные (восстановительные) санкции.

В этой концепции, кажется, находят свое удовлетворение как политический идеал Дюркгейма, на который указывает Александер, так и его желание совместить внутреннюю свободу с внешним принуждением. Распад старой системы классового (кастового) общества — как часть прогресса разделения труда — приводит к тому, что при выборе профессии индивиды руководствуются не predetermined социальными условиями, а исключительно своими собственными способностями, и «ничто не стесняет индивидуальной инициативы. При этом условии между природой индивидов и социальными функциями не может не возникнуть гармонии, по крайней мере, в среднем числе случаев»⁴⁸. Но индивидуальная свобода не есть отсутствие всякой (внешней) регламентации; она является следствием такого *общественного устройства*, когда «общественное неравенство точно выражает естественное неравенство». Таким образом и происходит синтез «внутреннего» и «внешнего»: люди «в силу самой природы вещей» будут выбирать наиболее полно отвечающие их способностям профессии, со стороны же общества будет достаточно просто не мешать этому. Дюркгейм признает, что подобная система нигде не встречается в действительности, но уверен, что чем выше расположено

---

⁴⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. — М.: Канон, 1996. — С. 263.

⁴⁷ Дюркгейм Э. Метод социологии / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. — М.: Канон+, 2006.

⁴⁸ Дюркгейм Э. О разделении... — С. 384.

общество на эволюционной лестнице, тем больше в нем свободы выбора деятельности. Это также не просто нечто вроде онтологического закона, но скорее необходимая практическая цель политики развитых обществ⁴⁹.

Для нас важен и другой момент. По Дюркгейму, разделение труда не просто производит солидарность. Оно должно производить солидарность. Более того, помимо категории должностования, Дюркгейм использует понятие нормы: поскольку разделение труда выполняет свою *нравственную* функцию — обеспечение солидарности, постольку оно является нормальным явлением; однако наряду с этим существуют и патологические формы, когда данная функция не может быть обеспечена. Анализ подобным аномальных фактов посвящена последняя часть работы.

Стоит отметить еще и то, что решение противоречия индивида и общества дается Дюркгейму не без труда. В ходе изложения очень часто за тезисом следует антитезис, а в заключении — и на это указывали многие критики — вопреки заявленному ранее, предпочтение отдается социальным структурам: «Если есть правило поведения, моральный характер которого неоспорим, так это то, которое повелевает нам осуществлять в себе существенные черты коллективного типа». Это дает право Александру сделать вывод о существовании серьезных противоречий во взглядах Дюркгейма. И, тем не менее, «квази-материализм», «объективизм» и «социологизм» берут верх.

Две морали

Дюркгейм четко разграничивает два типа морали, которые во французском языке обозначаются разными словами⁵⁰. Первый — *morale* — означает «теоретическую» мораль в широком смысле, этику, которая часто является результатом метафизических и моралистических спекуляций. Она никак не может быть предметом собственно научного изучения. «Мораль — это не геометрия: это не система абстрактных истин, которую можно получить из какой-либо фундаментальной идеи, постулируемой как не требующая доказательств». Напротив, мораль в обществе существует вне всякой зависимости от взглядов

---

⁴⁹ Конечно же, здесь обращает на себя внимание определенное сходство с теорией будущего устройства общества в марксизме — хотя сам Дюркгейм отрицал влияние Маркса на свои труды, что, скорее всего, соответствовало действительности.

⁵⁰ Durkheim E. Review “Albert Bayet, La Morale scientifique: essai sur les applications morales des sciences sociologiques” / Durkheim: essays on morals and education / Edited by W.S.F. Pickering. – L., 1979. – P. 30-31.

метафизиков и «моралистов», и «она принадлежит к реалиям жизни, а не к спекуляциям»⁵¹. Это и есть вторая форма морали — *moeurs* — «практическая» мораль, находящая свое выражение в нормах, которыми непосредственно руководствуются индивиды в своих действиях. Такая мораль — как и любой «социальный факт» — подлежит позитивному, научному изучению.

Стоит отметить, что изучение морали (*moeurs*) связано, по Дюркгейму, с весьма важным принципом — принципом релятивизма. «Моралисты» пытаются сконструировать мораль дедуктивно, «допуская понятие человеческой природы, которая всегда и везде одинакова» — но это абстрактное определение противоречит фактам. Человеческая природа меняется в зависимости от времени и места. «Поскольку человек — продукт истории, он может быть познан только через сравнительную историю»⁵² — Дюркгейм предпочитает говорить не об обществе, а об обществах. А раз обществ много, и все они различны — то вполне естественно, что каждое из них имеет собственную мораль.

Когда наука по изучению моральной реальности (*moeurs*) достигнет значительных успехов, т.е. когда будет рационально установлено, какая мораль соответствует данному обществу (а такая мораль только одна, и определяется она самим устройством этого общества) — тогда будет возможно формирование подлинно научной этики (*morale*), которая сможет носить рекомендательный характер. При этом подобная этика будет способна повлиять на моральную реальность лишь в некотором, весьма малом отношении, и, тем более, не изменит ее, как того хотят моралисты: мораль «существует и функционирует, и нам приходится только надзирать за ее работой». Отвергать ее — значит отвергать самого себя.

Моральный акт

Для Дюркгейма всеобщей формой морали и нравственности выступает альтруизм, но альтруизм особой формы. Нравственное действие, направленное на благо другого человека (как можно было бы определить альтруизм), по сути, таковым не является: если признается равенство всех людей (большее или меньшее), то не имеет никакого значения, кто выступает объектом морального действия — я сам или другой человек. Грань между альтруизмом и эгоизмом стирается, причем последний выглядит даже предпочтительнее, поскольку очевидно,

---

⁵¹ Durkheim E. Contribution to "Morality without God: an attempt to find a collectivist solution" // Durkheim: essays on morals and education / Edited by W.S.F. Pickering. - L., 1979. - P. 34.

⁵² Durkheim E. Review "Levy-Bruhl, La Morale et la science des moeurs" // Durkheim: essays on morals and education / Edited by W.S.F. Pickering. - L., 1979. - P. 29-33.

что подобный способ поведения требует намного меньших усилий. Дюркгейм никак не мог согласиться с подобной логикой.

Действие (акт) может стать моральным только при условии его направленности на нечто высшее, нечто превосходящее индивида. Здесь очевидно влияние идей И. Канта на взгляды Дюркгейма⁵³: первый, как известно, доказывал существование Бога тем, что в противном случае мораль становится бессмысленной. Дюркгейм же видел в Боге «лишь общество, преображенное и осмысленное символически»⁵⁴. Нравственное действие, таким образом, имеет (или должно иметь) своим объектом общество — высшее существо, «особую личность», образованную взаимосвязанными индивидами, но несводимую к ним, и являющуюся высшей ценностью. «Мораль, следовательно, начинается там, где начинается привязанность к группе, какой бы ни была последняя».

Моральная цель является для индивида чем-то хорошим и желательным, но, кроме того, она выступает как должное, как долг, выполнение которого требует от человека некоторых усилий над собой и вместе с тем приносит ему удовольствие. Понятие морального сходно с понятием священного, для которого характерна та же двойственность — с одной стороны, стремление или любовь к священному объекту (будь то Бог, а в современных обществах — личность), с другой — уважение и даже страх перед ним. Моральная и религиозная жизнь столетиями были идентичны и, по мнению Дюркгейма, вряд ли первая сумеет когда-нибудь окончательно избавиться от последней. Поэтому научное изучение религиозной жизни будет во многом способствовать пониманию моральной реальности.

Ценности в современной социологии

Стоит ли говорить, что позиция Дюркгейма в вопросе о ценностях представляет интерес скорее с исторической точки зрения: вряд ли его идеи могут быть релевантными сегодняшнему состоянию науки. Тем не менее нужно сказать несколько слов о том, каким образом понятие ценностей используется в современной социологии, а также охарактеризовать его возможный объяснительный потенциал.

Ценности — категория весьма абстрактная и потому охотно используемая философами; причем они в основном склонны определять ее через другие не менее

---

⁵³ С. Бугле в шутку называл позицию Дюркгейма «кантизмом, пересмотренным и дополненным континтизмом».

⁵⁴ Дюркгейм Э. Определение моральных фактов / Пер. с фр. А.Б. Гофмана // Теоретическая социология. Антология: В 2-х ч. / Под ред. С.П. Баньковской. Ч.1. – М., 2002. – С. 11-31.

абстрактные категории: «добро», «духовность», «человек» и т.п. — одним словом, это то, что Дюркгейм называл *morale*, справедливо добавляя, что к науке это имеет мало отношения. Паря в облаках «теоретической теории», господа метафизики, кажется, мало заботятся о соответствии своих понятий реальной действительности⁵⁵, и в результате мы имеем знаки, означающие нечто настолько туманное и неопределенное, что не будет большой ошибкой сказать, что эти знаки вовсе не имеют означаемого. Удивительно, но, открывая работы многих современных философов, понимаешь, насколько мало изменилась ситуация со времен Дюркгейма и Парето: то, против чего боролись основоположники социологии, «живет и побеждает» — этому есть множество причин, которые, впрочем, не место здесь обсуждать. Но факт остается фактом: некоторые социологи от философии приступают к исследованию реальности с таким внушительным набором априорных категорий («предпонятий», по выражению Дюркгейма), что результат этого исследования зачастую оказывается более чем сомнительным, являясь, скорее, своеобразным литературным произведением в жанре, близком к роману, чем более-менее адекватной реальности объяснительной моделью.

С другой стороны, кажется, в изучении ценностей наметился очевидный прогресс — наконец-то социология пришла к эмпирическим исследованиям этой проблемы. Правда, если говорить об изучении ценностей определенной группы методом социологического опроса, то результат подобного исследования будет иметь отношение скорее не к науке как таковой, а, выражаясь языком последователей Бурдьё, к «политико-журналистскому полю»: стоит только представить себе передовицы газет с крупными заголовками вроде «Ценности россиян!» или «Москвичи: работа на первом месте!», чтобы понять, что таким образом изготавливается артефакт, чисто научная ценность которого весьма невелика, в то время как он жизненно необходим для сферы масс-медиа и политики⁵⁶. В пользу подобной точки зрения говорит еще и то, что иногда высказываемая — и, кажется, весьма здравая — гипотеза о том, что ценности могут носить бессознательный (неосознанный) характер (выступая мотивом действий)⁵⁷, не принимается во внимание именно из-за невозможности в этом случае их эмпирической фиксации; здесь еще более очевидно, что априорному понятию пытаются во что бы то не стало найти обозначаемую им часть реальности, чтобы ее зафиксировать. Поскольку удается

---

⁵⁵ Безусловно, сами эти понятия (в большинстве случаев, не выходя далеко за границы существования просто как знаков, либо знаков имеющих лишь идеальное обозначаемое) являются вполне «реальными» (создают собственную реальность) и операциональными, но все же принадлежат к реальности «второго порядка» — хотя, думается, феноменологи с нами поспорили бы.

⁵⁶ Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. — М.: Socio-Logos, 1997.

⁵⁷ Правда, в этом случае (случае неосознанных мотивов) встает вопрос об уместности использования самого понятия ценностей в ущерб понятиям установок и диспозиций.

это далеко не всегда, остается лишь один выход — создать эту «реальность» с помощью «результатов исследования».

Если же предположить, что ценности являются всегда осознанными — а это исходит уже из самой абстрактности, и, следовательно, осмысленности понятия — то перспектива изучения ценностей при помощи глубинных, «качественных» методов представляется более релевантной. В таком случае риск получить на выходе артефакт (что самое главное — не предназначенный для научного использования) существенно ниже, чем при использовании метода опроса.

Исходя из всего сказанного, будущее социологии ценностей представляется неоднозначным. На эмпирическом уровне исследования ценностей как осознанных мотивов действий (скажем, у участников «новых общественных движений»), судя по всему, имеют хорошие перспективы. Что касается социологической теории ценностей, то здесь все не так очевидно. Возможно, не стоит выделять теорию ценностей из более общих теорий действия, оставляя за «ценностями» как представлениями акторов (осознанными или неосознанными) определенную роль в мотивации действия и поведения. С другой стороны, принимая во внимание, общепризнанную теперь невозможность создания единой теории действия («универсальной отвертки»), следует более основательно поразмыслить над тем, чем все-таки являются ценности и какое место они занимают в поведении людей — учитывая, что подобная теория будет иметь ограниченную область применения.

Выходит, в вопросе о социологии ценностей все еще больше вопросов, чем ответов.